

ПОЛИТИКА И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

С.К. Ознобищев

ОЗНОБИЩЕВ Сергей Константинович, кандидат исторических наук, зав. сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: serko96@gmail.com

Ознобищев С.К. Политика и контроль над вооружениями. — Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 26–41. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.03>

Статья поступила в редакцию: 01.07.2021. Принята к публикации: 01.09.2021

Аннотация. На протяжении всего периода холодной войны гонка вооружений была обусловлена идеологизированным противостоянием двух сверхдержав, представлявших антагонистические общественные системы. Сегодня представители элит США и России пытаются воссоздать элементы новой “фарсовой” холодной войны за счет русофобии одной стороны и антизападничества — другой. Начиная с эпохи горбачевской перестройки их взаимоотношения пережили несколько циклов, начинавшихся с надежд по установлению отношений нового типа — тесного сотрудничества и партнерства и заканчивая периодом ухудшения отношений. По ряду вполне рациональных соображений США и СССР, как основные проводники и участники гонки вооружений, инициировали процесс контроля над вооружениями, который, как считалось, приобрел свою собственную позитивную инерцию. Однако оказалось, что этот процесс гораздо больше, чем предполагалось, привязан к состоянию политических отношений и мало способен на достижение позитивных результатов вне политической конъюнктуры. В итоге под воздействием неблагоприятных политических условий различные направления контроля над вооружениями, одно за другим, зашли в тупик. Более того, стало ясно, что нарабатанная десятилетиями система контроля над вооружениями может оказаться на грани полного разрушения, что почти стало реальностью после украинского кризиса 2014 г. и, особенно, в период президентства Д. Трампа. Продление СНВ-3 (Пражского ДСНВ), состоявшееся практически на грани политического и переговорного “фола”, ставит вопрос не столько о технике компромиссов на пути к новому договору, сколько об обеспечении непрерывности и результативности процесса контроля над вооружениями, являющегося ключевым элементом стратегической стабильности.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, кризис, холодная война, отношения России и США/Запада, сотрудничество, партнерство.

ИЗ ПРОШЛОГО: ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, СОТРУДНИЧЕСТВО, НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПАРТНЕРСТВО – ЧТО ДАЛЬШЕ?

На протяжении холодной войны движущей силой совершенствования и наращивания нацеленных друг против друга мощных военных потенциалов СССР/России и США / стран Запада было идеологизированное противостояние двух антагонистических общественных систем — социализма и капитализма. Проекция этого принципа на реальные военные программы в течение долгого времени служила стимулом гонки вооружений между США/Западом и СССР. Однако в определенный момент участники этого процесса столкнулись с тем, что на достаточно высоком уровне технического развития военных потенциалов достичь долгосрочного военного преимущества оказа-

лось невозможным. К тому же поддержание и развитие масштабных военных потенциалов требовало все более значительных средств, что становилось чувствительным не только для советской, но и для американской экономики.

Выдвигавшиеся Советским Союзом идеи всеобщего и полного разоружения, а также избавления мира от ядерного оружия [Петровский 1982: 90-283] в значительной степени либо носили “пропагандистский” характер, либо были невыполнимы в условиях сложившегося миропорядка. Переходу от неограниченной гонки вооружений к пониманию необходимости контроля, в первую очередь над ядерными вооружениями, способствовала сопровождавшая эти процессы эволюция сознания политических элит ведущих стран.

Академик А. Арбатов в одной из недавних работ приводит высказывание видного “архитектора” ядерной стратегии США, бывшего министра обороны США Р. Макнамары, который подчеркивал, что американская сторона не хочет “гонки вооружений с Советским Союзом главным образом потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы”. И, как констатирует А. Арбатов, “через несколько лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1), подписанное на саммите в мае 1972 г.” [Арбатов 2021: 24].

Понимание “тупиковости” гонки вооружений становилось и частью политического мышления советского руководства, особенно в годы перестройки, которая открыла новые возможности для диалога в области безопасности. По выражению М. Горбачева, пришло осознание того, что “через гонку вооружений нельзя добиться “победы над империализмом” [Добрынин 1997: 607]. В итоге в 1980-е годы начался активный поиск новых направлений и принципов контроля над вооружениями. Известный дипломат, зам. министра иностранных дел СССР (1986-1990 гг.) А. Адамишин писал: “демократизация внутренней жизни, отход от воинственности и арrogантности во внешней политике, конструктивное ведение дел в международных организациях чем дальше, тем больше стали менять отношение реалистических кругов Запада к Советскому Союзу” [Адамишин 2016: 198].

Во многом благодаря готовности Москвы начать перестройку не только внутри страны, но и на внешнеполитическом фронте, взять курс на установление отношений доверия и реального сотрудничества президент США Р. Рейган серьезно скорректировал направление своей политики в отношении бывшей, в его понимании, “империи зла”. Резкое снижение “градуса” советско-американской напряженности позволило задуматься о мерах по институционализации процесса контроля над вооружениями — превращения его в неотъемлемую часть обеспечения национальной и международной безопасности.

Действительность, однако, охладила надежды даже самых больших романтиков перестройки по обе стороны океана. Как оказалось, некоторая часть американской элиты была склонна рассматривать Советский Союз не как равноправного партнера на мировой арене, а как слабеющую “бывшую сверхдержаву”, с которой можно все меньше считаться в международных делах, но при этом на всякий случай продолжая совершенствовать средства военного сдерживания, сохраняя и укрепляя вокруг СССР “зону безопасности” в виде блока НАТО.

И, тем не менее, во внешней и военной политике сторон стал утверждаться новый фактор — внедрение и упрочение сотрудничества с элементами партнерства, декларированного в качестве конечной цели. Этот подход получил развитие и в новой России.

Так, в декларации, принятой на первом саммите президентов Б. Ельцина и Дж. Буша-ст. в начале 1992 г. в Кемп-Дэвиде, особо подчеркивалось, что “Россия и Соединенные Штаты не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников... отныне отличительной чертой их отношений будут дружба и партнерство”. Важным вектором дальнейших усилий провозглашалось избавление “от всех пережитков враждебности периода холодной войны”, которое планировалось осуществлять в том числе через “шаги по сокращению стратегических арсеналов”. Сама встреча была названа Дж. Бушем исторической, служащей “еще одним подтверждением окончания холодной войны, начала новой эры”¹.

В российских официальных документах, затрагивающих сферу безопасности и контроля над вооружениями, стали утверждаться новаторские взгляды. В первом Послании Президента по национальной безопасности было заявлено, что “положение дел в военной области на нынешнем этапе характеризуется значительным снижением потенциальной угрозы развязывания прямой крупномасштабной агрессии против России”. При этом “сама Российская Федерация не рассматривает ни одно государство в качестве военного противника, стремится к развитию с крупнейшими военными державами и их межгосударственными объединениями отношений равноправного партнерства”².

Понятие партнерства как *конечной цели* стало утверждаться и в совместных документах с НАТО. В основополагающий акт Россия-НАТО 1997 г. была включена важная констатация, что “Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников” и “они намерены развивать на основе общих интересов, взаимности и транспарентности прочное, стабильное и долговременное партнерство”³.

Однако проектам установления стратегического партнерства и даже, возможно, “стратегического союза” [Кортунов 2003: 331] с США не суждено было сбыться. К сожалению, и в этот период времени Запад не смог по достоинству оценить готовность России к выстраиванию партнерских отношений. Односторонние действия в Югославии и бомбардировки Белграда оставили глубочайший негативный след в общественно-политическом сознании россиян, существенно подорвав позиции той части демократического политического спектра, представители которого выступали за построение прочных партнерских отношений с Западом, за вхождение России в институты западного мира.

То же, даже в большей степени, можно сказать и о принятой Брюсселем в первой половине 1990-х годов под мощным давлением США и вопреки возражениям и озабоченностям России политике расширения НАТО на Восток. В сознании

¹ Россия и США сократят стратегические арсеналы. — *Российская газета*. 03.02.1992. URL: <https://rg.ru/1992/02/03/cherta.html> (accessed 03.10.2021).

² *Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию*. 1996. М.: ППО УД П РФ. С. 14.

³ *Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора*. 27.05.1997. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (accessed 05.05.2021).

российской политической элиты эта политика, предполагающая приближение военно-политического блока НАТО к российским границам, означала вовсе не “расширение демократии” — о чем до сих пор заверяют официальные представители альянса, а рост военной угрозы для России. Утвержденная в 1997 г. очередная Концепция национальной безопасности РФ вполне однозначно констатировала, что основные угрозы в международной сфере “обусловлены” рядом факторов, где одним из приоритетных было “укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток”⁴.

Несмотря на некоторые достижения в области контроля над вооружениями, вызывающие, для российской политической элиты, действия Запада, смена политических настроений и корректировки курса с российской стороны не позволили реально повернуть вектор отношений с Западом на партнерство и даже привели к заметному охлаждению и определенному кризису к концу 1990-х годов, что, конечно же, сказалось и на динамике контроля над вооружениями.

Начало 2000-х годов ознаменовалось очередным появлением признаков улучшения отношений с США. На первом саммите президента России В. Путина и лидера США в Любляне вновь звучали призывы к установлению отношений близкого сотрудничества и партнерства. Дж. Буш-мл. уверенно заявлял, что “Россия не враг США”, и выражал убежденность, что “мы можем быть и крепкими партнерами, и друзьями”. Со своей стороны В. Путин подтвердил, что “мы нашли хорошую основу для наращивания сотрудничества и выхода на прагматичное партнерство между Россией и Соединенными Штатами”. Более того — реально просматривался и более высокий уровень отношений. Как оценил В. Путин, “это дорогого стоит, когда президент великой державы говорит о том, что он хочет видеть Россию в качестве партнера, а может быть, в качестве союзника”⁵.

29

После беспрецедентных терактов 11 сентября 2001 г. президент РФ был первым из зарубежных лидеров, кто позвонил в Белый дом, чтобы выразить соболезнования. Однако эти и целый ряд других, как принято говорить, позитивных сигналов и попыток возврата на треки реального сотрудничества не смогли выправить общую долгосрочную ухудшающуюся динамику российско-американских отношений. Тем более что недостатка в негативных импульсах не наблюдалось.

Так, несмотря на первоначально достаточно мягкую реакцию Москвы на выход США из Договора по ПРО в 2002 г. (подробнее — см. ниже), эта односторонняя акция Вашингтона в итоге нанесла серьезнейший урон двусторонним отношениям. США к тому же не ратифицировали уже заключенные договоры: СНВ-2 и Договор о запрещении ядерных испытаний, что стало предметом постоянных претензий с российской стороны.

Вопреки всем возражениям Москвы, активно продолжался процесс расширения НАТО, вовлекавший в свою орбиту все большее число бывших союзников Москвы. Это однозначно расценивалось российской политической элитой как уступка Западу “геополитического пространства” в Европе.

⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. 1997 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24). — *Президент России. Официальный сайт*. 17.12.1997. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (accessed 02.06.2021).

⁵ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем. Любляна. — *Президент России. Официальный сайт*. 16.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21294> (accessed 14.06.2021).

Крайне чувствительно всегда воспринималась Москвой и политика Запада в ближнем зарубежье России, особенно в бывших республиках СССР. При этом расширение присутствия здесь западных институтов и представителей расценивалось не просто как расширение влияния Запада, а как долгосрочная стратегия “закрепления” на этих территориях с тем, чтобы создать “плацдарм для действий по нейтрализации и децентрализации самой России”⁶. Известный американский политолог Р. Легволд констатировал серьезную обеспокоенность российских властей относительно уязвимости “позиций России в ближайших к ней странах” и убежденности российского руководства в том, что “другие игроки, начиная с Соединенных Штатов, пребывают в поисках путей ограничения внешнего влияния России либо формирования ее внутренней политики в желательном для них направлении” [Legvold 2007: 103].

Рост взаимного недовольства и напряжения между Россией и Западом послужил поводом для известного выступления В. Путина с резкой критикой политики западных стран во главе с США на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г.

Разразившийся в 2008 г. конфликт в Южной Осетии был однозначно расценен в Москве как спровоцированный при активном участии США и Запада. В материалах близкого к официальным кругам агентства “РИА Новости” декларировалось, что “вторжение тщательно планировалось и отрабатывалось в ходе совместных грузино-американских маневров”⁷. Серьезной критике в российском политико-экспертном сообществе подверглось и вооруженное вмешательство НАТО в Ливии в 2011 г., которое также способствовало укреплению в России антизападных настроений.

Вина за украинский кризис 2014 г., который привел к самому резкому с момента окончания холодной войны кризису в отношениях России и Запада, с самого начала была возложена российской властью на США и “коллективный Запад”. За прошедшие годы эта оценка не была поколеблена. Свидетельством тому является опубликованная за рубежом в июне 2021 г. и приуроченная к годовщине начала Великой Отечественной войны статья В. Путина “Быть открытыми, несмотря на прошлое”. В ней российский лидер первопричиной украинских событий называет долгосрочную политику Запада по созданию разделительных линий в Европе, проявившуюся в том числе и в расширении НАТО⁸. Именно в такой логике целая цепочка неблагоприятных для России событий и их последствий увязывается в сознании официальных властей в одно целое, что, безусловно, составляет тот “промежуточный итог” внушительного периода отношений России и США/Запада, который подводит для себя президент РФ. Это во многом совпадает и с оценками представителей российской политической элиты.

⁶ Колеров М.: “Ближнее зарубежье” России и “задний двор” США. 07.02.2008. — *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/polit/953883.html> (accessed 30.05.2021).

⁷ Хроленко А. Танки США в Грузии: август 2008-го ничему не научил. — *РИА Новости*. 08.08.2017. URL: <https://ria.ru/20170808/1499889756.html> (accessed 16.06.2021).

⁸ Подробнее см.: Статья Владимира Путина “Быть открытыми, несмотря на прошлое”. — *Президент России. Официальный сайт*. 22.06.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65899> (accessed 25.06.2021).

Вместе с ростом числа российских претензий в отношении Запада развернулась внушительная кампания по выявлению и пресечению вмешательства Запада во внутривнутриполитические процессы. Значительное раздражение в России вызывало и то, что политики США/Запада позволяли себе заявления, оспаривающие и принижающие роль и место России в мире.

У Запада, особенно в последние годы, также накопилось немало претензий. С его стороны звучат заявления о манипулировании американскими выборами, прямом (вплоть до “вооруженного”) вмешательстве в украинские дела, организации “сепаратистских анклавов” на Востоке Украины, “аннексии” Крыма. А также — о попытках ликвидации внутри страны и за рубежом “неудобных” деятелей, включая видных оппозиционеров, кибератаках на целые сферы экономики и государственного управления. Кроме того, в последние годы Россия и Запад активно предъявляли друг другу претензии в отношении нарушений соглашений и договоров в области контроля над вооружениями.

Особенно резкое обострение отношений произошло после упомянутого кризиса 2014 г. Запад свернул диалог и сотрудничество по ряду ключевых направлений (в частности, в рамках Совета Россия — НАТО); военные контингенты альянса, в виде четырех батальонных тактических групп (численностью до 4,5 тыс. человек) придвинулись к российским границам; и НАТО, и РФ активизировали военные приготовления и маневры. Это стало “материальным итогом” очередного этапа политических отношений, которые теперь все больше балансируют на грани холодной войны.

Сложилась парадоксальная закономерность, когда практически каждый из описанных выше политических периодов, начинаясь с надежд и усилий по улучшению отношений между Россией и Западом, заканчивался заметным их ухудшением. Исключением стал конец 1980-х — начало 1990-х годов: распад СССР хотя и не привел к обострению отношений, но стал причиной ряда новых проблем.

Несмотря на фактически циклические ухудшения отношений, они все еще не обрушились в пропасть классической холодной войны. Это подтверждает сделанный автором ранее⁹ вывод, что реальная холодная война осталась в истории и для ее полной реанимации явно не хватает необходимых “составляющих”, в первую очередь самой основы — идеологизированного противостояния системы капитализма и социализма. Ведь в конечном итоге Россия строит такое же, как и США (или любая иная страна Запада), капиталистическое общество — правда, с собственной национально-исторической спецификой.

Однако следует констатировать и другое — участвовавшие, особенно в последние годы, попытки воссоздания элементов антизападнической “эрзац-идеологии”, которая служит кирпичиками для хотя бы временного воссоздания элементов холодной войны в ее “фарсовом” варианте. Российские официальные лица не упускают случая, чтобы подчеркнуть целевую антироссийскую направленность действий западных стран. Так, пресс-секретарь президента РФ Д. Песков выражает убежденность в том, что “линия западных стран на сдерживание и подавление России является целенаправленной и постоянной, она заметна невооруженным взглядом”¹⁰. Вполне авторитетные

⁹ Подробнее см.: Ознобищев С.К. 2016. “Новая холодная война”: воспоминания о будущем. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 60-73.

¹⁰ Песков: линия Запада на сдерживание и подавление России заметна невооруженным глазом. — ТАСС. 25.03.2021. URL: https://tass.ru/politika/10992721?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 17.06.2021).

политики перед многомиллионной телевизионной аудиторией всерьез рассуждают о заговоре либерального Запада против России, который направляется и координируется Великобританией, а роль “головного исполнителя” отводится США.

Тем самым создается мощный антизападный пласт в настроениях российского общества. Число поддерживающих его граждан впечатляет. По данным ВЦИОМ, более 60% россиян убеждены, что “существуют группы людей, которые стремятся разрушить традиционные духовные ценности русского народа и переписать историю России”. Подавляющее большинство россиян также верят в существование “мирового закулисья” как антироссийски настроенной структуры, контролирующей мировые процессы¹¹.

Антизападничество, частично заменяющее идеологическую платформу времен холодной войны, становится идеологической опорой единения вокруг внешне- и внутривластных действий и инициатив власти. Дело доходит до того, что профессиональные эксперты в области внешней политики говорят о “тотальном противостоянии” между Вашингтоном и Москвой [Бобров 2021: 144].

За счет раздувания темы антиамериканизма и антизападничества создается и поддерживается не слишком “работоспособная” в XXI в. психология “осажденной крепости”. Как точно подметил экономист и общественный деятель В. Иноземцев, тем самым “транслируется месседж, что Русь окружена врагами, и задачей власти является бороться с ними и их ‘агентами’ всеми доступными способами”¹². В этом контексте нельзя, конечно, не отметить и весомое присутствие русофобских настроений на западной стороне.

Дальнейшее развитие традиционно сформировавшихся к концу очередного политического цикла негативных тенденций (на этот раз — особенно острых) в отношениях России и Запада, в начале пребывания очередного президента США — Дж. Байдена у власти удалось приостановить путем ратификации Договора СНВ-3. Не очень ожидаемо для многих, несмотря на резкие высказывания американского лидера в адрес В. Путина, в короткие сроки удалось также провести и саммит двух лидеров в Женеве.

Смена политических настроений, повторяющихся с определенной цикличностью — от “потепления” к “охлаждению” и наоборот, самым непосредственным образом влияет на динамику контроля над вооружениями, который в итоге так и не может выбраться из реликтовых пут времен холодной войны.

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: ДОЛГОЕ РАССТАВАНИЕ С ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ

Соревнование в развитии вооружений (гонка вооружений), стремление не дать “потенциальному противнику” опередить себя в создании новых типов вооружений и в их количестве было важным элементом “материальной основы” холодной войны. Вооруженное противостояние на протяжении всего этого периода, как отмечалось, было также и неотторжимым элементом противостояния идеологизированного.

¹¹ Кракова С. Мировая закулиса: откуда появился “заговор против России”. — *Газета.ru*. 21.08.2018. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/08/21/11903245.shtml> (accessed 21.06.2021).

¹² Иноземцев В. О пост-женевской истерике. — *Эхо Москвы*. 19.06.2021. URL: https://echo.msk.ru/blog/v_inozemcev/2857342-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbb (accessed 25.06.2021).

Как и в политическом взаимодействии России и Запада, в контроле над вооружениями можно проследить попытки избавиться от парадигмы холодной войны. Одной из первых попыток на этом направлении было заключение в 1987 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), уничтожившим целый класс вооружений, что стало возможным благодаря качественному улучшению отношений России и Запада.

Несмотря на звучащую, особенно в последнее время, конъюнктурную критику, заключение этого договора, несомненно, следует относить к числу крупных побед отечественной внешней политики и дипломатии. Для нашей страны главное то, что в результате выполнения соглашения были уничтожены 846 американских ракет, которые, как констатировал академик А. Арбатов, “были способны из Европы нанести обезглавливающий и разоружающий ядерный удар по центрам управления и ракетным базам в европейской части СССР. ДРСМД был первым договором о глубоком и притом одностороннем сокращении американских ракет, которые были для нас равнозначны их стратегическому оружию. А в ответ СССР отказался лишь от систем регионального значения”¹³.

Причиной инициированного США в последние годы “развала” ДРСМД стала невозможность разрешить взаимные претензии относительно соблюдения достаточно второстепенных технических ограничений. При нормальных рабочих отношениях сторон это можно было бы сделать в оперативном режиме, что и происходило неоднократно в ходе переговоров в прошлом. Один из ключевых участников переговоров по СНВ-3 А. Антонов во время разразившегося кризиса вокруг взаимных претензий по ДРСМД заметил, что Россия и США вполне в состоянии урегулировать взаимные претензии, относящиеся к выполнению Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности¹⁴.

Впрочем, несмотря на ликвидацию ДРСМД, полного отката к временам холодной войны не произошло. Официальные представители США и НАТО не раз заявляли об отсутствии новых планов по размещению РСД в Европе¹⁵. Россия, со своей стороны, взяла на себя обязательство не размещать ракеты средней и меньшей дальности “до тех пор, пока в том или другом регионе мира не появятся соответствующие ударные системы американского производства”¹⁶.

Еще одной своеобразной и даже уникальной попыткой отхода от канонов холодной войны была история с заключением договоренности по тактическому ядерному оружию (ТЯО) в Европе по времена Горбачева/Ельцина. Эта договоренность была основана не на канонической для переговорного процесса системе проверки, а всецело на доверии.

¹³ Арбатов А. В деле предотвращения ядерной войны нет места двусмысленности. — *РСМД*. 05.02.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/v-dele-predotvrashcheniya-yadernoy-voyny-net-mesta-dvusmyslennosti/> (accessed 30.06.2021).

¹⁴ Посол России в США ожидает от Вашингтона разъяснений по новой ядерной доктрине. — *Коммерсантъ*. 03.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3539822> (accessed 17.02.2020).

¹⁵ Подробнее см.: Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg Following the Meetings of NATO Defence Ministers — *NATO. Official Site*. 13.02.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_163394.htm (accessed 21.06.2021).

¹⁶ Совместная пресс-конференция с Президентом Финляндии Саули Ниинистё. — *Президент России. Официальный сайт*. 21.08.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61349> (accessed 17.06.2021).

Выдвинутые президентом США Дж. Бушем-ст. в сентябре 1991 г. предложения и так называемые ответные шаги и встречные предложения М. Горбачева (октябрь 1991 г.) и Б. Ельцина (январь 1992 г.) включали ряд радикальных мер по ограничению и ликвидации ТЯО. Уникальность предлагавшихся договоренностей заключалась в том, что часть взятых обязательств осуществлялась в одностороннем порядке, а часть — на условиях взаимности. Однако отсутствие юридически выверенного договора не дало возможности проверять число сокращенных и остающихся боезарядов и носителей. В итоге сегодня — в обстановке глубокого кризиса политических отношений и отсутствия доверия между Россией и США/Западом, — участники не обладают достоверной информацией относительно находящегося в распоряжении другой стороны потенциала ТЯО в Европе, что только увеличивает взаимную подозрительность и напряженность.

Кардинальное изменение политической ситуации в 1980-е годы сделало возможной реализацию в короткие сроки, за полтора года, идеи контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ). Показательно, что в иных политических условиях — в рамках парадигмы холодной войны — предшествовавшие переговоры по сокращению обычных вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе длились в Вене 16 (!) лет и не вылились в заключение какого-либо договора.

Как констатировал упомянутый выше известный дипломат и переговорщик А. Антонов, “постепенно стороны пришли к пониманию, что попытки укрепления безопасности на пути продолжения гонки вооружений, как ядерных, так и обычных, ведут в тупик. Осознание этого и явилось побудительным мотивом начала переговоров по обычным вооруженным силам” [Антонов, Аюмов 2012: 8]. Быстрый результат новых переговоров (за полтора года — в 1989-1990 гг.) был достигнут за счет того, что руководство ключевых стран — участниц соглашения, в первую очередь СССР, США, ведущих стран Европы и Канады, активно работало в направлении заключения договоренности.

Идеология Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) изначально была построена по принципу холодной войны — взаимные сокращения при соблюдении “равенства потенциалов”. Однако в самом тексте можно найти формальные попытки отхода от лексики и понятий, унаследованных от прошлого. Показательно, что договор формально заключен не между двумя военно-политическими блоками — НАТО и Организацией Варшавского договора, а между двумя “группами государств-участников” (хотя и представлявших по сути эти два блока). Этому нюансу, как одному из предвестников грядущих перемен, придавалось в то время важное значение.

Дальнейшее изменение геополитической ситуации, распад ОВД и присоединение части входивших в эту организацию государств к блоку НАТО создали предпосылки для корректировки договоренности и подписания 19 ноября 1999 г. Соглашения об адаптации ДОВСЕ (АДОВСЕ). Это соглашение создавало предпосылки для перехода к новым национальным и территориальным предельным уровням ограничиваемых договором вооружений и техники (ОДВТ), которые каждое государство само определяло для себя. Это был абсолютно новаторский подход, который впервые не делил участников Договора на противостоящие друг другу группы и не пытался уравнивать их потенциалы.

Впрочем, как и на других направлениях, на фоне ухудшавшихся политических отношений неизбежные “переговорные” разногласия и взаимные претензии и здесь не могли быть разрешены. Затягивание процесса ратификации

АДОВСЕ западными странами послужило поводом для российской стороны сначала частично, а затем и “полностью приостановить” действие Договора об обычных вооруженных силах в одностороннем порядке¹⁷, хотя при этом Россия из договора не вышла.

Несмотря на неблагоприятный промежуточный итог, именно на этом направлении, пожалуй, был достигнут наибольший прогресс по выходу за рамки баланса вооруженного противостояния, предполагаемого идеологией холодной войны. Для нынешнего политического цикла отношений весьма характерно, что отечественные эксперты и политики критикуют этот договор с позиций противостояния, акцентируя внимание на том, что численность ОДВТ, находящихся по договору в распоряжении стран НАТО, заметно превосходит размер российского потенциала, т.е. пытаются восстановить подходы прошлых лет.

Ситуацию с развалом КОВЕ не смогли стабилизировать сохраняющиеся меры доверия, закреплённые в 2011 г. в Венском документе о мерах укрепления доверия и безопасности (ВД-2011). Первоначальный вариант Венского документа был классическим порождением “нового политического мышления” 1980-х годов. Исторически этому направлению придавалось особое значение, поскольку оно должно было стать свидетельством готовности Советского Союза и Запада к новым широким мерам по контролю над вооружениями. Посол О. Гриневский, возглавлявший переговоры по этому вопросу и по контролю над обычными вооружениями, цитирует записку в ЦК КПСС 1983 г., в которой подчеркивалось, что успех или неудача на этом направлении “преподносится на Западе в качестве своего рода пробного камня возможности претворения наших инициатив на центральном направлении — в области ядерного разоружения, глубоких сокращений обычных вооружений и вооруженных сил, возрождения разрядки и доверия, оздоровления международного климата в целом” [Гриневский 2004: 382].

Попытки оживления этого перспективного направления в последние годы также наталкиваются на политический фактор — резкое ухудшение отношений России и стран Запада, которое материализуется в новых переговорных “увязках”. На поступающие в последнее время предложения западных стран продвинуться вперед хотя бы в области мер доверия от российской стороны следует ответ, что в условиях отсутствия прогресса на направлении КОВЕ заниматься модернизацией ВД-2011 не представляется возможным¹⁸.

К мерам доверия относится и принятый в 1992 г., на излете попыток внедрения “нового политического мышления” в большую политику, Договор по открытому небу (ДОН). Этот документ прокладывал путь в будущее, подтверждая согласие сторон на достаточно “интрузивные” проверки — полеты самолетов с проверяющими и оборудованием над территориями друг друга. Однако обострившиеся, особенно в бытность президента Трампа, претензии, большинство из которых имели второстепенный технический характер, а также невозможность их разрешения в условиях напряженного политического климата “пустили под откос” и это соглашение.

¹⁷ Подробнее см.: Заявление руководителя делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями А.Ю. Мазура на пленарном заседании Совместной консультативной группы по Договору об обычных вооруженных силах в Европе. — *МИД РФ. Официальный сайт*. 10.03.2015. URL: https://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/1089925 (accessed 18.03.2021).

¹⁸ МИД: Условий для модернизации соглашения по мерам доверия сегодня нет. — *ТАСС*. 27.11.2015. URL: <https://tass.ru/politika/2480726> (accessed 16.06.2021).

Начало 2000-х годов характеризовалось очередным всплеском надежд на возвращение России и США в парадигму не просто тесного сотрудничества, но даже партнерства. К этому времени в области противоракетных систем Россия и США уже осуществляли достаточно интенсивное сотрудничество. В период с 1996 г. по 2006 г. было проведено пять российско-американских компьютерных учений в области ПРО ТВД, которые впоследствии стали проходить в расширенном формате с участием России, США, и НАТО. И на этом направлении, как и с процессом КОВЕ, наметилось стремление в практическом ключе выйти за рамки противостояния холодной войны.

Энтузиастами расширения сотрудничества высказывалось даже мнение, что практическое взаимодействие в этой сфере может стать чуть ли не центральным элементом, который поможет запустить механизм партнерства России и США/Запада. Как полагал авторитетный специалист, генерал-майор (отст.) В. Дворкин (ранее начальник “четверки” — 4 ЦНИИ МО РФ), сотрудничество в области ПРО способно коренным образом трансформировать военно-политические отношения сторон, поскольку оно предполагает “переход от партнерства к союзническим отношениям, при которых взаимное ядерное сдерживание естественным путем исключается”¹⁹.

Учения по ПРО ТВД в разных формах не прекращались вплоть до 2008 г., когда Москва признала самопровозглашенную республику Южную Осетию. Это было использовано Западом как повод для понижения “градуса” отношений. Таким образом, решающее негативное воздействие в данном, как и во многих других случаях, оказали политические факторы.

В свое время в качестве предлога для начала развертывания масштабного проекта ЕвроПРО, задуманного администрацией Вашингтона совместно с европейскими союзниками, была заявлена необходимость купировать растущие угрозы со стороны ракетных потенциалов “третьих стран”. Как полагал президент Дж. Буш-мл., США нужны “противоракетные системы, для борьбы с разнообразными угрозами современного мира”²⁰. В этих условиях Вашингтон с 2002 г. в одностороннем порядке вышел из Договора по ПРО.

В официальных документах Белый дом не рассматривал такие действия как направленные против России — на подрыв ее потенциала ядерного сдерживания. Высокопоставленные представители американского гражданского и военного истеблишмента тогда высказывались в том смысле, что Россия и США не являются более противниками, а потому могут позволить себе существенно снизить уровень озабоченности относительно действий другой стороны в военной области. Характерно мнение того же президента Дж. Буша-мл., строившего прогнозы, что Россия и США “должны работать вместе, чтобы создать новую основу для мира и безопасности в XXI в. ... обе страны стоят перед лицом новых угроз, которые они могут преодолеть совместно”²¹. С “высоты” дня сегодняшнего сложно представить, что такие настроения имели место в высших эшелонах власти в Вашингтоне.

¹⁹ Дворкин В. Пришло время забыть об угрозах ЕвроПРО. 30.09.2011. — *Независимое военное обозрение*. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2011-09-30/1_pro.html (accessed 25.04.2021).

²⁰ Bush G. Remarks at the National Defense University. — *The American Presidency Project*. 01.05.2001. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-national-defense-university-4> (accessed 18.06.2021).

²¹ Ibidem.

Первоначально Россия отреагировала на одностороннюю акцию США достаточно сдержанно. По заявлению В. Путина, “такой шаг не явился для нас неожиданностью... я с полной уверенностью могу заявить, что принятое Президентом США решение не создает угрозы национальной безопасности Российской Федерации”²². Такая умеренная реакция была связана с тем, что двусторонние отношения на тот момент еще находились в неплохом состоянии и сохраняли позитивную динамику.

Однако, как оказалось впоследствии, уже в 2004 г. в России именно “после одностороннего выхода США из Договора по ПРО” началось испытание систем для “нейтрализации”, как посчитали в Москве, новых угроз, которые начали возникать для России “в связи с развертыванием глобальной ПРО США”²³. И также впоследствии стало известно, что именно выход американской стороны из Договора по ПРО стал стимулом для создания целого набора “прорывных” российских систем вооружений, о которых президент России объявил в своем Послании Федеральному Собранию через шестнадцать лет — в 2018 г.

Несмотря на распространявшиеся среди российских политиков и экспертов алармистские прогнозы, Вашингтон избрал сдержанный вариант развития систем ПРО. Показательно, что сейчас, по прошествии двадцати лет после принятого решения, развертывание национальных элементов американской ПРО осталось в рамках количественных ограничений Договора по ПРО 1972 г., не выйдя за пределы согласованной численности в 100 противоракет²⁴.

Наиболее традиционной с точки зрения отражения идеологии холодной войны представляется вся “линейка” соглашений по контролю стратегических наступательных вооружений (СНВ). Определенный прогресс был достигнут, но сама схема организации процесса сокращения и ограничения СНВ практически полностью вмещается в принятые еще во времена холодной войны каноны. То есть при любых сокращениях стороны стремились к соблюдению принципа примерного равенства потенциалов, или, как принято выражаться в научно-экспертной литературе — принципа “равенства и одинаковой безопасности”, который на заре современного контроля над вооружениями был закреплён в подписанном 29 мая 1972 г. между СССР и США совместном документе, постулировавшем “основы взаимоотношений” между ними. Отдельные предложения, предполагавшие выход за рамки подходов холодной войны на разных этапах переговоров, так и не были реализованы. При этом временами по чисто политическим причинам стороны не обращали должного внимания на предложения друг друга по ревитализации переговорного процесса на этом ключевом направлении.

²² Заявление в связи с объявлением США о выходе в одностороннем порядке из Договора по ПРО 1972 года. 13 декабря 2001, Москва. — *Президент России. Официальный сайт*. 16.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21444> (accessed 08.06.2021).

²³ Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 08.06.2021).

²⁴ Согласно официальным документам военного ведомства США на национальных противоракетных установках на базах Форд-Грили и Гранд-Форкс к 2023 г. количество противоракет планируется нарастить до 64 ед. — *Missile Defense Review*. U.S. Department of Defense. Washington DC, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.pdf> (accessed 03.06.2021).

Тем не менее, как точно заметил посол А. Антонов, “процесс контроля над СНВ постепенно приобрел свою собственную инерцию, логику, модели развития” [Антонов 2012: 19]. На протяжении десятилетий в рамках этого процесса были наработаны и согласованы взаимоприемлемые модельные подходы и даже важные аксиомы, вроде совместно принятого в 1990 г. понятия стратегической стабильности. В дальнейшем это позволило, как заметил бывший министр обороны США У. Перри, без лишних разъяснений и доказательств декларировать, например, что “запрет на РГЧ ИН²⁵ рассматривался как фактор, укрепляющий стратегическую стабильность” [Perry 2015: 73].

Масштабные советские предложения времен холодной войны, очевидно, не могли быть претворены в жизнь в силу необходимости сохранения масштабного же вооруженного противостояния — этого “стержня” холодной войны, основу которого составляли потенциалы крупнейших ядерных держав — США и СССР. Предложенная миру в 1986 г. горбачевская эпохальная программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г. также не состоялась, да и не могла состояться, поскольку помимо некоторых конъюнктурных моментов ее разработки сама идея слишком далеко опередила свое время. Хотя заключение ДРСМД и рассматривалось, по выражению М. Горбачева, как начало качественно нового этапа — как “решающий шаг, положивший начало процессу ядерного разоружения”²⁶.

Были и иные, практически не реализованные идеи, которые могли бы вырвать процесс контроля над ядерными вооружениями из традиционной формулы времен холодной войны. Одна из таких идей содержалась в принятой в январе 1994 г. (на основе сделанного ранее президентом Б. Ельциным предложения) российско-американской декларации об отказе от нацеливания друг на друга стратегических ядерных ракет. Впрочем, даже в условиях неплохих отношений факт ненацеливания был непроверяем и по сути представлял собой чисто символическую меру — тем более что, по имеющимся свидетельствам, полетные задания ракет могут быть восстановлены в течение очень короткого времени. В итоге эта мера — которой в свое время было уделено много внимания со стороны ведущих ядерных государств, просто сошла на “нет” и оказалась забытой.

Тем не менее на фоне далеко не всегда благоприятных политических условий выполнение Москвой и Вашингтоном всей системы договоров в области ограничения и сокращения ядерных вооружений, включая и некоторые меры, предпринятые другими странами по уменьшению своих потенциалов, позволило достичь серьезного сокращения ядерных вооружений — более чем в пять раз: с 70 300 ед. в 1986 г. (в начале “перестройки”) до 13 100 ед. к началу 2021 г. Эти масштабные сокращения были совершены в условиях консервативного подхода, унаследованного со времен холодной войны — приведения ядерных потенциалов обеих стран к “общему знаменателю”. Крупнейшими ядерными арсеналами по-прежнему располагают США и Россия — 91% всего числа ядерных боеголовок²⁷.

²⁵ РГЧ ИН — разделяющаяся головная часть ракеты с индивидуальным наведением боевых блоков на заданные цели.

²⁶ Горбачев: договор РСМД нельзя приносить в жертву политической конъюнктуре. — *РИА Новости*. 08.12.2017 (обновлено: 03.03.2020). URL: <https://ria.ru/20171208/1510475711.html> (accessed 30.06.2021).

²⁷ Kristensen H.M., Korda M. Status of World Nuclear Forces. — *Federation of America Scientists*. 05.2021. URL: <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/> (accessed 25.06.2021).

Однако, следуя логике происходившего в последние годы сворачивания конструктивных отношений между Россией и странами Запада, начала разрушаться и созданная на протяжении десятилетий система контроля над вооружениями. Отдельные элементы и даже направления этого диалога, которые опередили свое время (как, например, АДОВСЕ), в условиях нарастающих негативных тенденций оказались не в состоянии создать структуру договорных отношений, основанную на новых принципах, выходящих за рамки парадигмы холодной войны. Попытки внедрения новых подходов во многих случаях лишь служили раздражителем для политиков и экспертов, усматривавших в них угрозу национальной безопасности и “уступки” другой стороне.

И все же, особенно в условиях исключительно напряженных отношений России и Запада, опробованный на протяжении десятилетий путь контроля над вооружениями остается уникальным и действенным средством укрепления безопасности и стабильности. В условиях крайней волатильности и ограниченности возможностей для любого взаимодействия попытки перехода к иным умозрительным схемам “борьбы за мир” на основе аморфных диалогов между ведущими ядерными державами представляются нереалистичными и опасными.

Предложения же организовать для “прочих” ядерных держав, взамен переговоров, некие “форумы” с целью “взаимного информирования” по различным аспектам, тесно связанным с ядерной проблематикой, выглядят лишь как подмена названий. Ведь для согласования всех деталей “взаимного информирования” понадобятся интенсивные встречи дипломатов и экспертов, что, собственно, и представляют собой переговоры, каким бы иным словом их ни называли.

В последние годы целый ряд маститых отечественных и зарубежных экспертов не раз выступали с перспективными и практически значимыми предложениями по нахождению “развязок” на конкретных направлениях контроля над вооружениями²⁸.

Следует еще раз акцентировать внимание на ключевом неблагоприятном политическом препятствии. На протяжении последних лет даже самые дельные решения по реализации любых “развязок” не могли быть осуществлены, в первую очередь по политическим причинам в условиях нарастания острого политического кризиса в отношениях России и Запада.

Анализ нынешнего состояния отношений между Россией и ведущими странами Запада, а также основных вех контроля над вооружениями, с учетом их условного места на “шкале” соответствия подходам холодной войны, позволяет сделать вывод, что к настоящему времени мы вступили в опасный период “реставрации”, когда в новых политических условиях предпринимаются попытки воссоздания (или восполнения эрзац-заменителями на основе идеологии русофобии или антизападничества) элементов холодной войны. Холодная война “по вызову” достаточно удобна элитам ведущих стран, она как бы возраждается в удобный политический момент для обоснования идеи наращивания вооружений и/или принятия мер против другой стороны, но не имеет под собой фундаментального идеологизированного обоснования, которое бы могло обеспечить ей, как прежде, долгосрочное существование.

²⁸ Исключительно полно и подробно такие предложения представлены в последних работах А. Арбатова [Арбатов 2021], в том числе написанных в соавторстве с известными зарубежными экспертами [Арбатов, Миллер 2021].

Новая “фарсовая” холодная война, миф о которой создается усилиями отдельных представителей национальных элит, будет таять по мере того, как лидеры РФ и США/Запада сочтут возможным возобновить возвращение на трек сотрудничества. Контроль над вооружениями — это не просто процедура поиска “развязок” на переговорах, а важная “материальная составляющая”, обеспечивающая и подкрепляющая позитивную динамику в отношениях между государствами-участниками.

Продлив СНВ-3 (Праздский ДСНВ), лидерам США и России лишь в самый последний момент удалось избежать полного краха контроля над вооружениями. Тем самым они открыли возможности для ревитализации всего процесса сокращения и ограничения вооружений, заложили камень в фундамент восстановления и расширения сотрудничества по более широкому кругу важных проблем.

Однако главный вопрос, который пока повис в воздухе, имеет отнюдь не “переговорно-техническую”, а политическую подоплеку — как сделать так, чтобы не допустить вновь разрушительного кризиса контроля над вооружениями? Как сделать так, чтобы придать этому процессу действительно собственную инерцию? Этот вопрос требует ответа куда в большей степени, чем поиск новых компромиссов на еще не начатых переговорах, в обсуждение которых в очередной раз привычно втягиваются политики и эксперты из России и США.

Однозначного решения здесь пока что не просматривается. Очевидно, что выработка такого “универсального рецепта” возможна только при наличии политической воли сторон, подкрепленной настойчивым позитивным давлением лидеров и политических элит ведущих стран (в первую очередь из Москвы и Вашингтона) — участниц процесса контроля над вооружениями. А значит — в политическом сознании необходимо восстанавливать понимание исключительной важности контроля над вооружениями и необходимости возврата к кооперационному режиму отношений в ключевых вопросах обеспечения международной и национальной безопасности. Это серьезнейшая задача, которая на ближайшее время стоит перед политико-академическим сообществом России и США.

DOI: [10.17976/jpps/2021.06.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.03)

POLICY AND ARMS CONTROL

S.K. Oznobishchev¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

OZNOBISHCHEV, Sergey Konstantinovich, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Section for Military Political Analyses and Research Projects, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: serko96@gmail.com

Oznobishchev S.K. Policy and Arms Control. — Polis. Political Studies. 2021. No. 6. P. 26-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.03>

Received: 01.07.2021. Accepted: 01.09.2021

Abstract. Throughout the Cold War, the arms race was driven by an ideological confrontation between two superpowers representing two antagonistic social systems, socialism and capitalism. However, at present, representatives of the elites of the United States and Russia are trying to recreate elements of the new “farcical” Cold War leading to Russophobia on the one hand and anti-Westernism on the other. Since the Gorbachev Perestroika era and especially after that, relations between the two countries have gone through

several repeating cycles, beginning with hopes of establishing a new type of relations characterized by close cooperation and partnership and ending with a period of deterioration in relations. For a number of perfectly rational reasons, the United States and the USSR, as the main conductors and participants in the arms race, initiated the process of arms control, which supposedly acquired its own positive momentum. However, it turned out that this process was tied to the state of political relations and was not capable of achieving positive results without a favorable political environment. As a result of the deterioration in political conditions, progress in various arms control areas, one by one, came to a halt. Moreover, it turned out that the decades-old arms control system may be on the verge of total destruction, which almost became a reality after the Ukrainian crisis of 2014 and, especially, during the Trump presidency. The extension of START III, which took place almost on the verge of a political and negotiating “foul”, raises the question not so much about the technique of compromise on the way to a new treaty, but of how to ensure the continuity and effectiveness of the arms control process, which is a key element of strategic stability.

Keywords: arms control, crisis, Cold War, Russian-US/Western relations, cooperation, partnership.

References

Legvold R. 2007. Russian Foreign Policy During Periods of Great State Transformation. — Legvold R. (ed). *Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past*. P. 77-144. New York: Columbia University Press.

Perry W.J. 2015. *My Journey at the Nuclear Brink*. Stanford, CA: Stanford University Press. 234 p.

Adamishin A. 2016. *V raznye gody. Vneshnepoliticheskie ocherki* [In Different Years. Foreign Policy Essays]. Moscow: Ves' mir. 448 p. (In Russ.)

Antonov A. 2012. *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms Control: History, State, Perspective]. Moscow: ROSSPEN. 245 p. (In Russ.)

Antonov A., Ayumov R. 2012. *Kontrol' nad obychnymi vooruzheniyami v Evrope — konets rezhima ili istoriya s prodolzheniem?* [Is Conventional Arms Control in Europe the End of the Regime or a History of Continuing?] Moscow: PIR-Center. 56 p. (In Russ.)

Arbatov A. 2021. *Strategicheskaya stabil'nost' — oruzhie i diplomatiya* [Strategic Stability — Weapons and Diplomacy]. Moscow: Ves' mir. 430 p. (In Russ.)

Arbatov A., Miller S. 2021. *Yadernye opasnosti novoi ery: perspektivy yadernogo vybora Rossii i SSHA* [Nuclear Perils in a New Era. Bringing Perspective to the Nuclear Choices Facing Russia and the United States]. Moscow: Ves' mir. 80 p. (In Russ.)

Bobrov A. 2021. *Kontseptual'nye osnovy vneshnei politiki Rossii* [The Conceptual Foundations of Russia's Foreign Policy]. Moscow: Aspect press. 223 p. (In Russ.)

Dobrynin A. 1997. *Sugubo doveritel'no* [Strictly Confidential]. Moscow: Author. 687 p. (In Russ.)

Grinevsky O. 2004. *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu* [Fracture. From Brezhnev to Gorbachev]. Moscow: OLMA-PRESS Образование. 623 p. (In Russ.)

Kortunov S. 2003. *Stanovlenie politiki bezopasnosti* [The Formation of a Security Policy]. Moscow: Nauka. 611 p. (In Russ.)

Petrovsky V. 1982. *Razoruzhenie: kontseptsiya, problemy, mekhanizm* [Disarmament: Concept, Problems, Mechanism]. Moscow: Politizdat. 335 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Адамишин А. 2016. *В разные годы. Внешнеполитические очерки*. М.: Весь мир. 448 с.

Антонов А. 2012. *Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы*. М.: РОССПЭН. 245 с.

Антонов А., Аюмов Р. 2012. *Контроль над обычными вооружениями в Европе — конец режима или история с продолжением?* М.: ПИР-Центр. 56 с.

Арбатов А. 2021. *Стратегическая стабильность — оружие и дипломатия*. М.: Весь мир. 430 с.

Арбатов А., Миллер С. 2021. *Ядерные опасности новой эры: перспективы ядерного выбора России и США*. М.: Весь мир. 80 с.

Бобров А. 2021. *Концептуальные основы внешней политики России*. М.: Аспект пресс. 223 с.

Гриневский О. 2004. *Перелом. От Брежнева к Горбачеву*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование. 623 с.

Добрынин А. 1997. *Сугубо достоверно*. М.: Автор. 687 с.

Кортунов С. 2003. *Становление политики безопасности*. М.: Наука. 611 с.

Петровский В. 1982. *Разоружение: концепция, проблемы, механизм*. М.: Политиздат. 335 с.